

ПРОЩАНИЕ ГЕРОЯ С МАТЕРЬЮ В РУНАХ КАЛЕВАЛЬСКОЙ МЕТРИКИ¹

ЭЛИНА ГАНСОВНА РАХИМОВА

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

***Аннотация.** Материнские запреты и советы крайне значимы в героико-мифологических и балладных рунах калевальской метрики. В словесном воплощении весома доля диалогов, а жанрово обусловленной композиции присущи различные модели повторов обширных отрезков текста. За счет них строятся эпизоды таких типовых сцен, как беседа персонажа-протагониста с матерью, которые вербализуются за счет формул текстуры протяженностью до двустопия. Также с помощью диалогов и повторов данные эпизоды встраиваются в целостное повествование. В диалогах с матерью заключена интертекстуальная общность героико-мифологических рун, повествующих о поездке Лемминкяйнена незванным гостем на пир, где он убил антагониста в поединке на мечах; состязании в колдовском пении Вяйнямёйнена с юным Йоукахайненом, вынужденным обещать мудрому старцу в жены свою сестру; о предвещающем космогонический миф эпизоде стрельбы из лука по Вяйнямёйнену, вместе с балладой о совращении неузнанной сестры.*

***Ключевые слова:** устные руны калевальской метрики, героико-мифологический эпос, баллада, сюжет, запрет, повтор, формула, типовая сцена, материнская мудрость.*

Устные песни старинного склада в фольклоре прибалтийско-финских народов финно-угорской языковой семьи принято называть рунами калевальской метрики (*kalevalamittaiset runot*) [Кууси 2009, 51, 52]. Это подчеркивает кроссжанровый характер просодического кода — четырехударного аллитерационного стиха. Строки подразделяются на бесперебойные (хорей с цезурой), например: “*Emo naini || kantajaini*” (Мать женщина || вынашивательница моя); и перебойные со сдвигом ударения в слове с нечетным количеством слогов под влиянием про-

содии: “*Otti miekkansa omansa*” (Взял меч свой собственный). Героико-мифологические и балладные по сюжетам руны дополнительно объединяет (как и с одной из жанровых разновидностей заклинаний, «рунами рождений») повествовательность как содержательно-стилевая доминанта. У повествовательных рун в северной разновидности ижорско-карело-финской устной поэзии² наблюдается систематическая циклизация сюжетов. Обособленностью и целостностью основного сюжета, при возможности контаминаций уже после развязки, отличается «Стих о Лемминкяй-

¹ Статья подготовлена по гранту РГНФ 14-04-00334 «Кроссжанровые взаимодействия в изустных калевальских рунах (героико-мифологический эпос и заговоры)».

² Для этой разновидности характерно мужское сольное или парное исполнение, иногда под аккомпанемент кантеле, в отличие от женского хорового, преобладающего южнее.

нене» (“Lemminkäisen virsi”), обозначаемый собирателями вслед за исполнителями как «Пяйвельский пир» (“Päivölän pidot”). Песня, повествующая о Лемминкяйнене (реже: Каукомойнене, Ахти), поехавшем незваным на пир в Пяйвёлу, широко бытовала как на северо-востоке Финляндии в Приладожье и в провинциях Северная Карелия и Северная Похъянмаа, включая край Кайнуу, так и по русскую сторону границы: у карел ливвиков и людиков, носителей среднекарельских диалектов собственно-карельского наддиалекта Олонецкой губернии и в Беломорской Карелии³. Она известна в двух кардинально различных по развязке сюжетных версиях. Согласно более редкой из них, герой гибнет или вступив в колдовское единоборство с хозяйкой пира, или при исполнении назначенных ему при сватовстве к ее дочери трудных заданий (охота на лося Хийси, обуздание скакуна, отстрел волшебного лебедя в царстве смерти Туонеле), от рук коварного пастуха. Версия гибели при охоте на туонельского лебедя, запечатленная Э. Лённротом в эпосе «Калевала» [Kalevala 1835, 83–123; Калевала 1999, 124–168], стала знаковой для профессиональной художественной культуры Финляндии на рубеже XX столетия, в эпоху неоромантизма⁴. Судя по вариантам, опубликованным в посвященном региону томе финского фондowego свода Suomen Kansan Vanhat Runot (SKVR), в территориальном эпическом репертуаре Беломорской Карелии вместе с волостью Кимасозеро преобладает сюжетная версия поездки незваным на пир вопреки материнским предостережениям и запретам. Герой успешно преодолевает препятствия по пути, включая умиловление чудовищ-«пограничников», состязается в колдовстве с хозяйкой с участием зоо-

морфных помощников и побеждает в единоборстве на мече хозяина/одного из гостей. После убийства антагониста протагонист вынужден спасаться бегством. Он советуется с матерью, где можно укрыться, и, последовав третьему из советов, отправляется за море на девичий остров, который затем вынужден покинуть из-за вызванной его распутством ненависти местных мужчин [Kalevala 1835, 225–267; Калевала 1999, 308–358]. После этого возможны контаминации с фабулами о мести пастуха и чудесном лесоповале великана.

Посвидетельству собирателя И. К. Инха, в конце XIX в. руна о Пяйвельском пире была самой популярной среди тамошних рунопевцев [Inha 1911, 329]. В своде общее количество записей руны, не считая вторных от того же исполнителя с буквенными литерами, из Беломорской Карелии составляет 164 [SKVR I (2)⁵, № 700–857; SKVR I (4.2), № 2166–2173], из Олонецкой — 47 [SKVR II, № 179–226], в Приладожье и финской губернии Северная Карелия — 81 [SKVR VII (1), № 760–841]. Фронтальный анализ беломорско-карельских вариантов демонстрирует, что значительную долю текстов составляют диалоги протагониста с матерью. Он обращается к матери дважды по ходу сюжета: намереваясь отправиться в опасную поездку и перед бегством после убийства.

В обширном, длиной 286 строк, варианте [SKS Karjalainen, № 113]⁶, записанном от Мауры Марттинен из Киваиярви прихода Вокнаколок языковедом К. Карьялайненом в 1894 г., диалоги занимают 108 строк. Формульные ремарки с *verbi dicendi* и обращения повторяются, скрепляя текст мнемотехнически. Диалоги строятся за счет повтора, который создатель исторической поэтики калевальских рун в 1957 г. назвал

³ Беломорская Карелия (Vienan Karjala) — населенные карелами волости Архангельской губернии и Олонецкая волость Кимасозеро, где проживали носители северных диалектов собственно-карельского языка.

⁴ Она воплотилась и в поэзии Эйно Лейно, и в оперных сочинениях Я. Сибелиуса (увertura «Туонельский лебедь»), и в живописи Аксели Галлен-Каллела. Сюжет «Мать Лемминкяйнена оплакивает сына на берегу Туонельской реки» нашел свое отражение в полотнах маслом и темперой 1897–1903 гг., а позднее во фресках [Рахимова 2001, 152–164].

⁵ При цитировании фондowego свода указывается не страница, а номер варианта в территориальном томе с указанием книги в скобках, тексты доступны также по электронной публикации www.finlit.fi/skvr. Перевод с карельского и финского автора.

⁶ Из-за мощной циклизации и ее перекрестной эдиционной передачи в своде разбираемый вариант привязывается к единице архивного хранения в Фольклорном архиве Финского литературного общества (Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kansanrunousarkisto) с указанием коллекции собирателя и номера с пометой SKS.

«диалоговым» (“dialogikertaus”) и считал возникшим в эпоху викингов [Кууси 2009, 59]. С учетом термина «повторение с нарастанием» [Балашов 1966, 7, 8] можно назвать это «диалогом с тремя повторениями». В ходе первого диалога Ахти Сарелайнен (дословно: «Островитянин») троекратно просит мать принести ему военные доспехи, снаряжение для погони, поскольку ему будет сподручнее в железной рубаше с оловянным поясом (строки 57–61, 83–87, 108–112). Эту просьбу мать выполняет в строках 138–140, так что повелительное наклонение глагола заменяется 3-м лицом утвердительной формы имперфекта. Троекратно и обрамленные ремарками ответные материнские запреты в строках 62–69, 88–95, 113–120: “Emo kielti, vaimo käski, / Epäsi kavehta kaksi, / ⁹⁰ Kielti kolme luonnotarta: / «Elä lähe poikuoni, / Poikuoni nuorempuoni, / Lapseni vakavuoni, / Monet on kummat matkoillasi, / ⁹⁵ Monet teilläsi imehet» (Мать запрещала, жена <не> велела, / Отговаривали, хитрые две, / ⁹⁰ Запрещали три природницы⁷: «Не отправляйся, мой сыночек, / Мой сыночек мой младшенький, / Мой ребенок мой суrowsый, / Много чудес на твоих дорогах, / ⁹⁵ Много див на твоих путях») [SKVR II (2) № 757a]. Трижды Ахти вопрошает мать о первой, второй и третьей «погибелях», которыми оказываются в данном случае необходимость вскопать гадючье поле, холм с черепами, насаженными на колья, из которых один пока пустует, и огненный орел на огненной березе. Он описывает намерения преодолеть их развернуто, с помощью глаголов 1-го лица будущего времени. Сказительница повторяет рассказ о преодолении преград, как об уже свершившемся факте, используя глаголы в 3-м лице имперфекта. Таким образом, текст руны композиционно скрепляется еще и повтором рассказа об осуществлении того, что в начале диалога было высказано как намерение.

В некоторых вариантах после развернутого диалога описание осуществления намерений может быть опущено, что создает эффект «сказительской синкопы» [Гацак 1971, 18]. Это наблюдается в варианте, записанном тем же собирателем в Минозере Кимасозерской волости от 24-летнего

рунопевца Микко Ехкимяйнена Потапова в 1894 г. В нем прослеживается определенная композиционная нестройность, а просьба принести доспехи звучит только один раз [SKS Karjalainen, № 48]. Материнский запрет предваряется расспросами о цели поездки: “Kunnes lähet poikuoni, / ²⁰ Poikuoni nuorempuoni?” / “Lähen Päivölän pitoihe, / Soarivoisen juominkihe.” / “Elä lähe poikuoni, / Kolm’ on surmoa matalla / ²⁵ Lemminkäisen peän varalla” («Куда отправляешься, мой сыночек, / ²⁰ Мой сыночек мой младшенький?» «Отправляюсь на Пяйвельский пир, / На попойку Островитянина» «Не отправляйся, мой сыночек, / Три погибли по дороге / ²⁵ Ради головы Лемминкяйна») [SKVR I (2), № 724]. Мать называет две «погибели»: огненная могила с пылающими камнями и огненный орел на огненной березе. Третье препятствие описано уже после от 3-го лица. Это железная изгородь, увитая змеями и ящерицами, которым Лемминкяйни отрезает хвосты и головы ножом. В этом варианте герой также сносит на пиру хозяину голову мечом и пускается в бегство и по возвращении домой расспрашивает мать о том, где можно укрыться (строки 112–123). После завершения эпизода посещения девичьего острова происходит контаминация с сюжетом «Мечь пастуха», изложенным сжато, так что вариант составляет всего 162 строки.

При анализе сюжетов калевальских повествовательных рун представляется целесообразным применить понятийные категории дискурсного подхода, как предложил современный финский эпосовед Лаури Харвилаhti [Harvilahti 1992, 98, 99]. Сюжетообразующие эпизоды (например, прощание с матерью) можно именовать макропропозициями семантической макроструктуры текста, а отдельные значимые действия или события внутри эпизода (например, озвученный материнский запрет) — пропозициями.

Характерная для сюжетного типа с убийством противника на пиру весомая доля в текстах диалогов с матерью кажется вызванной ее особенно мощным влиянием на традиционно известную эпическую судьбу этого героя, ведь в альтернативном сюжете (а некоторые сказители, как

⁷ Природница (luonnotar) — женское мифическое существо, упоминаемое преимущественно в рунах, героико-мифологических и заговорно-заклинательных, и не отмеченное в несказочной прозе.

то знаменитый информант Э. Лённрота Архиппа Перттунен из Ладвозера прихода Вокнаволоок и его сын Мийхкали, знали и исполнили собирателям обе сюжетные версии) мать попытается (и в ряде случаев успешно осуществит это) даже воскресить сына из мертвых. Так ли это?

К. Карьялайнен записал от Микко Ехкимайнена еще одну героико-мифологическую руну, названную исполнителем «Стих о Вяйнямёйнене» (“Väinämöisen virsi”). В ней мощно проявляется присущая кимасозерскому локальному репертуару циклизация сюжетов. Вариант [SKS Karjalainen, № 47] соединяет в себе сюжеты «Кованья золотой девы» (“Kultaneidon taonta”), «Состязания в <колдовском> пении» (“Kilpalaulanta”), свернутого до двух кратких макропропозиций «Сотворения мира» (“Luominen”) и внезапно следующего за ним «Создания кантеле» (Kanteleen syntu) из утино яйца, так что в фондовом своде один и тот же текст перепечатан четырежды [SVKR I (1), № 592 + 157 + 27 + 519]. Русскому читателю эти сюжеты известны по песням 37, 3, 6–7, 40–41 и 44 окончательной редакции «Калевалы». Лённрот в песне 1 частично использовал макропропозицию создания мира из яйца водоплавающей птицы “*soitka*” — утки-чернети (по латыни *Aythya marila*), сносящей яйцо мироздания с небесными светилами [Калевала 1999, 21, 22]. Для беломорско-карельской территориальной традиции характерно развитие космогонического мифа из героической ситуации ранения скакуна Вяйнямёйнена стрелой коварного лапландца и падения протагониста в море, где на его колено и снесли яйцо мироздания или 3/9/10 таковых. В эпосе этот сюжет мотивирован как месть Йоукахайнена, потерпевшего поражение в состязании в колдовском пении и вынужденного обещать старцу в жены сестру, которая утопилась от горя [Калевала 1999, 66–71]. К решению Лённрота, реализованному в 234 строках песни 6-й окончательной редакции, Микко довольно близок. Считать это вторичной фольклоризацией под книжным влиянием неправомечно, поскольку нет оснований предполагать, что Лённрот как собиратель сам не столкнулся с такой возможностью циклизации у рунопевцев изустно и не перенял ее как поэт. Авторским творчеством составителя эпоса является лишь гибель сестры Йоукахайнена Айно: горящая из-за предстоящего брака со стариком девица

случайно соскользнула в воду и утонула, обратив к матери скорбные заклятия. Самостоятельность варианта минозерского рунопевца доказывается отсутствием пропозиции сестринского самоубийства. В изложении Микко, сразу после того, как мать утешает юношу, вынужденного отдать сестру «на подпорку трясущемуся», тот замечает на морской глади Вяйнямёйнена, рыскающего верхом на «гороховой» масти коне. В последующей сцене ремарка, предвещающая запрет с отрицательным императивом 2-го лица единственного числа, полностью совпадает с вариантами рун о Лемминкяйнене, где формульное обрамление реплик диалога наличествует: ⁴⁰⁰ *Ampumah ajettelekse. / Emo kielti, vaimo käski: / «Elä ammu Väinämöistä!»* (⁴⁰⁰ Стрелять возманился. / Мать запретила, жена <не> велела: «Не стреляй в Вяйнямёйнена!») [SKVR I, № (1) 27]. В своем варианте «Пяйвельского пира» Микко опустил ремарки, обрамляющие диалог протагониста с матерью (в отличие, скажем, от Мауры из Кивиярви).

Эпизод стрельбы в Вяйнямёйнена, едущего верхом на коне (или лосе) по водной глади, в космогоническом сюжете в Беломорской Карелии обычно циклизуется с кованием Сампо, которое владычица Похьолы (Лоухи) заказывает кователю Илмаринену через Вяйнямёйнена, спасенного ею из моря после сотворения небесных светил из яйца. Позднее отряд ушкуйников во главе с Вяйнямёйненом похитит выкованное Илмариненом чудо-устройство. Это можно считать и сквозным сюжетом эпоса Э. Лённрота в редакции 1849 г. Среди изустных вариантов (в том числе послуживших прямым текстуральным источником эпоса) знамениты варианты основоположников династий Перттуненов из Ладвозера и Малиненов из Войницы прихода Вокнаволоок. Для инициального эпизода коварного выстрела (при наличии альтернативных решений вроде заговора стрелы) пропозиция материнского запрета в адрес стрелка оказывается стереотипной, т.е. представленной регулярно в устойчивом словесном воплощении большей или меньшей развернутости. Чаще всего ее используют рунопевцы из прилегающих к десятикилометровым окрестностям Аконлакши деревень прихода Кимасозеро. Столь же молодой, как и минозерский Микко, 25-летний Ийвана Ахаппейнен из Ледозера в варианте, записанном в августе 1872 г. [SKS Genetz II, № 72; SKVR I (1),

№ 145 + 7 + 578], выносит сюжет состязания в колдовском пении на первый план. Выстрел в Вьяйнямёйнена становится мстью юного Йоуга(ха)йнена за предстоящий по его же вине неравный брак сестры со стариком, а падение последнего с убитого коня в воду позволяет утке-чернети снести яйца на его колено, после чего следует создание кантеле и музицирование. Запрет матери предварен краткой ремаркой, а его мотивировка в строках 92–99 развернута: если ее сын застрелит сына родной тетки Вьяйнямёйнена, из мира исчезнут радость и песни [SKVR I (1), № 7]. Столь же декоративна, как в «Пяйвельском пире» Мауры, за счет упоминания трех природниц, рамочная ремарка запрета у Максимы Рийгойнена из Келловараки в варианте [SKS Borenius II, № 163], контаминированном с сюжетом о создании кантеле [SKVR I (1), № 4 + 576]⁸.

В «Пяйвельском пире» протагонист, как уже было сказано выше, встречается с матерью дважды. Их второй диалог, в котором сын просит совета, куда ему укрыться от мести сородичей убитого, стереотипен, в нем три повторения. Маура Мартинен использует диалог (строки 230–257) с тем же, что и в первую беседу, формульным двустилием обращения матери к сыну: “Poikuoni nuoremruoni, / Lapseni vakavuoni” (Мой сыночек мой младшенький, / Мой ребенок мой суровый), повторенным трижды (строки 233–234, 243–244, 253–254) без ремарок [SKVR I (2), № 757a]. Как это происходит и в вариантах других рунопевцев, Ахти не хочет прятаться в печени морского налима или превращаться в сосенку на пригорке, в березку на твердой земле из-за того, что его смогут найти батраки из поповской усадьбы, но соглашается отправиться по морю на девичий остров, где в прежние годы укрывался его отец.

Личный репертуар молодого ледмозерского рунопевца Ийваны Ахаппейнена обнаруживает весомую долю диалогов с матерью с совпадением их текстуальных манифестаций в героических рунах на различные сюжеты. Как мы помним, мать пыталась запретить юному Йоугахайнену

стрелять в Вьяйнямёйнена в его варианте инициального эпизода сотворения мира [SKS Genetz II, № 72 / SKVR I (1), № 7]. Но и в его протяженностью 328 строк варианте «Пяйвельского пира» [SKS Borenius II, № 177]⁹ протагонист “iedo Lemmingäine” («беспечный Леммингяйне») на пир отправляется вопреки предостережениям матери. Сцена не содержит запрета с отрицательным императивом глагола. Две сцены материнских поучений внутри себя и между собой скрепляет восьмикратный повтор (в строках 13, 24, 46, 61, 205, 213, 224, 231) формульного обращения с восходящей к метафорической замене терминов родства перифразой в последнем слове: “Oi om tuamo kandaiaizen” (Ой да мама вынашивательница моя). Первый раз герой обращается к матери с просьбой принести военные доспехи. После убийства в единоборстве на мечах он просит мать: “Siäšš on šakkihi evästä, / Pane voida vakkaizihe, Lähen töidänie pagohe, / Pillojani piilömähe” (Собери в мешок закуску, / Положи в масленку масла, / Отправлюсь от своих дел в бегство, / Свои проделки прятать). Затем следуют признание в убийстве и обсуждение советов о месте укрытия [SKVR I (2), № 704]. Эта же сцена повторяется рунопевцем дословно в балладной руне «Совращение сестры» (“Sisaren turmelus”) [SKS Borenius II, № 178]. Вариант контаминации сюжетов «Состязание в пении» и «Творение мира» Ийваны Ахаппейнена [SKS Genetz II, № 72] содержит сходную сцену встречи с матерью сына, вернувшегося после неудачного приключения. В нем нет ремарок, формульное обращение к матери единично. А вот мать обращается к сыну дважды, с расспросами и утешением, так что формульная бесперебойная строка “Poiguoini nuoremboini” (Мой сыночек мой младшенький) представлена в стихах 75 и 80. Вопрос также характеризуется формульностью “Mid’ olet alla päin, rahalla mielin?» (Чего ты, опустив голову, в дурном настроении?) [SKVR I (1), № 145].

У рунопевцев из окрестностей Вокнаволока, например, у лодочного мастера Кауро

⁸ Живописец Галлен-Каллела запечатлел вооруженного луком-самострелом мстителя и отговаривающую его от выстрела мать на полотне темперой 1897 г. (“Joukahaisen kosto” — «Мечь Йоугахайнена»).

⁹ Этот вариант также содержит контаминацию с сюжетом «Мечь пастуха» уже после бегства на девичий остров, так что был опубликован в своде под тремя номерами [SKVR I (2), № 704 + 883 + 910].

Тениссейна из Толлореки в варианте [SKS Genetz II, № 18], записанном в июле 1872 г., мать расспрашивает опечаленного поражением в состязании в пении юного Йоукахайнена и высказывает три предположения. До диалога с тремя повторениями они не развернуты: «Poikaseni Joukahaini, / Mit' olet pahalla mielin, / Kuta kallella kypärin; / ⁷⁰ Sanallako voarrettihi, / Sanallako, vain tavalla, / Vainko viina-ruoppylöillä?» / «Ei sanalla, ei tavalla, / Eikä viina-ruoppylöillä: / ⁷⁵ Annoin ainuon sisaren» (Мой сыночек Йоукахайни, / Чего будешь в дурном настроении, / Зачем со шлемом набекрень, / ⁷⁰ Словом ли унизили, Словом ли обычаем ли, / Или чаркой водки? — Не словом и не обычаем, И не чаркой водки, / ⁷⁵ Я отдал единственную сестрицу) [SKVR I(1), № 178].

В варианте «Пяйвельского пира» у рунопевческой династии Перттуненов из Ладвозера в сцене повторной встречи с матерью формульные расспросы развернуты до диалога с тремя повторениями, как то у Архиппы в знаменитой записи 1834 г. [SKS Lönnrot A II 6, № 72]. Косвенно характеризующее печаль протагониста “kaunis Kaukomieli” («красивого Каукомиэли») двустипшие с портретной деталью скошенного набекрень шлема, отмеченное у Кауро Тениссейна применительно к Йоукахайнену, повторяется, заменяя ремарку описанием внешности и тотчас же прозвучав в вопросе матери с вопросительным местоимением. В то же время расспросы о причинах печали строятся по принципу диалога с тремя повторениями. Мать вопрошает, унизили ли сына чаркой на пиру, надсмеялись ли над ним женщины и опозорился ли он со своим жеребцом. Сын троекратно отвечает гиперболизированной похвальбой, будто мог бы унизить названным (чаркой и скакуном) сотню и тысячу мужей и обольстить сотни и тысячи женщин и дев. Выяснение места укрытия с тремя повторениями оказалось опущено после признания в грозящем расправой убийстве на пиру, зато совет укрыться на девичьем острове индуцирует развернутое описание плавания на ладье [SKVR I (2), № 759]. Как ранее удалось установить автору, ладвозерские варианты не только в сцене материнских

расспросов по возвращении протагониста, но и в сцене предостережений в завязке наравне с композиционным принципом повтора-предсказания обнаруживают системные и поразительно близкие текстуально схождения с русскими былинами о Добрыне-змееборце, Добрыне и Маринке и о Дюке Степановиче [Рахимова 1997]. Они представляют собой типовые сцены в трактовке устно-формульного подхода и реализуют надэтническую стереотипность роли мудрой матери в эпосе. С учетом межэтнических и предположительно территориально контактных схождений тем более важно, что типовые сцены беседы с матерью в их формульной вербализованности, устойчивая семантическая пропозиция материнского запрета (предостережения), как и вариативная стереотипность обращений к матери, не ограничены сюжетом руны о Лемминкяйнене, незваном госте Пяйвельского пира.

Наоборот, выявляется интертекстуальная общность рун, повествующих о поездке Лемминкяйнена незванным гостем на пир, состязании в колдовстве Вайнямёйна с юным Йоукахайненом, выкупившим спасение за счет принуждения к неравному браку сестры. Озвучивание и нарушение материнского запрета присущи эпизоду стрельбы из лука по Вайнямёйнену, предварающему космогонический миф. Но эта же смысловая общность: необходимость материнской поддержки для протагониста — затрагивает и явно балладный сюжет инцеста, так что его текстовая реализация содержит эпизод диалога сына с матерью после соращения ее дочери. Более того, карельские героико-мифологические руны с присутствием им первостепенной значимостью матримониальной тематики сватовства, соперничества женихов и «добывания жены» [Киуру 1993]¹⁰ (за счет исполнения трудных поручений будущей тещи) по смыслу не так уж далеки от балладной семейно-бытовой тематики, тем более что многие коллизии в рунах заканчиваются трагично. Весомейшая доля диалогов привносит в повествовательные руны калевальской метрики мощную субстанцию драматизма.

¹⁰ Недавно ушедший от нас выдающийся эпосовед современности Эйно Семенович Киуру (1929–2015) установил ключевую роль темы добывания жены для героико-мифологических рун.

Литература

Балашов 1996 — *Балашов Д. М.* История жанра русской народной баллады. Петрозаводск, 1996.

Гацак 1971 — *Гацак В. М.* Эпический певец и его текст // *Текстологическое изучение эпоса / Отв. ред. В. М. Гацак и др. М., 1971. С. 7–45.*

Калевала 1999 — *Лённрот Э.* Калевала. Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен (Kalevala: Eerpinen runoelma karjalaisten ja suomalaisten muinaisten kansanrunojen pohjalta) / Пер. Э. Киуру, А. Мишин. Петрозаводск, 1999.

Киуру 1993 — *Киуру Э. С.* Тема добывания жены в эпических рунах (к семантике поэтических образов). Петрозаводск, 1993.

Кууси 2009 — *Кууси М.* Пять стиливых периодов в развитии древней калевальской поэзии / Пер. с фин. [Kuusi 1957], вступ. ст. Э. Г. Рахимова // *ТОЛМАЧ: Сб. переводов научных и литературных текстов. Вып. 1 / Отв. ред. Т. В. Говенько. М., 2009. С. 47–83.*

Рахимова 1997 — *Рахимова Э. Г.* Карело-финская руна в типологическом сопоставлении с былинами // *Филологические науки. 1997. № 4. С. 85–95.*

Рахимова 2001 — *Рахимова Э. Г.* От «калевальских» изустных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно. М., 2001.

Harvilahti 1992 — *Harvilahti L.* Kertovan runon keinot: inkeriläisen runoepiikan tuottamisesta. Helsinki, 1992 (SKST 522).

Inha 1911 — *Inha I. K.* Kalevalan laulumailta. Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa. <...> 177 tekijän ottamaa valokuvaa. Helsinki, 1911.

Kalevala 1835 — *Kalevala taikka Vanhoja Karjalan Runoja Suomen Kansan Muinosista Ajoista.* 1835 julkaistun Kalevalan laitoksen uusi painos. Toim. L. Honko. Turku, 1999.

Kuusi 1957 — *Kuusi M.* Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyylikautta // *Kalevalaseuran vuosikirja 37.* Porvoo; Helsinki, 1957. S.107–129.

SKVR I (1) — *Kalevala-aineiset kertovaiset runot: Toisinnot 1–700.* Helsinki, 1908 // *Suomen Kansan Vanhat Runot (1908–1948+1997). I. Vienan läänin runot, 1–4 (2) / SKST (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia) 121: I — IV, 2.* Julkaisut A. R. Niemi. Nide I (1).

SKVR I.2 — *Kalevala-aineisia kertovaisia runoja: Toisinnot 701–1027. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 1028–1272.* Helsinki, 1917 // *Ibid. Nide I (2).*

SKVR I (4.2) — *Loitsuja: Toisinnot 822–2132. Lisiä. Elämäkerrallisia tietoja runojen laulajista hakemistoiin.* Helsinki, 1921 // *Ibid. Nide I (4.2).*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: +7 (495) 691-23-01; e-mail: elina.rahimowa@yandex.ru

HERO'S FAREWELL TO HIS MOTHER IN THE RUNE-POEMS IN THE KALEVALA METER

ELINA RAKHIMOVA

(Institute of World Literature, named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation)

Summary. *Mother's prohibitions and advices get extremely important for heroic mythic and ballade rune-poems in the Kalevala meter. Genre-specific composition emphasizes dialogues and different models of recurrence of certain line sequences of texture. Due to it episodes of the characters' interlocutions with their mothers which manifest type scenes and use formulae up to two lines long and get both constructed "per se" and incorporated into texture entities of given oral variants. Interlocutions between the hero and his mother manifest intertextual interactions between different plots, primarily heroic myths about Lemminkaenen's journey to the Paevoelae Feast without an invitation, singing competition of two sages, that causes young hero's shooting attempt against wise Vaenaemoeinen, that leads to creation of the world by a natatorial bird, as well as the ballade about the incest between the hero and his sister.*

Key words: *oral rune-poems in the Kalevala meter, heroic mythical epics, ballade, plot, recurrence, formula, type scene, mother's wisdom, prohibitions.*

Acknowledgements. This paper is financially supported by the grant of the Russian Fund for Humanities No. 14-04-00334 "Textual interaction between genres in the oral poetry in the Kalevala meter: Heroic-mythical epics and charms from Finland".

References

Balashov D. (1966) Istoriya zhanra russkoy narodnoy ballady [History of Genre of the Russian Folk Ballade]. Petrozavodsk. In Russian.

Gatsak V. (1971) Epicheskiy pevets i ego tekst [Epic Singer and his Text]. *Tekstologicheskoe izucheniye eposa* [Textual Studies upon Epics]. Ed. by V.M. Gatsak et al. Moscow. Pp. 7–45. In Russian.

Harvilahti L. (1992) Kertovan runon keinot: inkerilaaeisen runoepiikan tuottamisesta [The Means of the Narrative Song: On Composition of the Ingrian Verse Epics]. Helsinki. In Finnish (SKST 522).

Inha I. (1911) Kalevalan laulumailta. Elias Loennrotin poluilla Vienan Karjalassa. <...> 177 tekijaen ottamaa valokuvaa [From the Land of Kalevala Songs. Following Elias Loennrot's Path at Viena Karelia. With 177 photos taken by the author]. Helsinki. In Finnish.

Kalevala taikka Vanhoja Karjalan Runoja Suomen Kansan Muinosista Ajoista. 1835 julkaistun Kalevalan laitoksen uusi painos (1999) [Kalevala or Old Karelian Rune-Poems about Ancient Times of the Finnish People. 1835-edition of Kalevala]. Ed by. L. Honko. Turku. In Finnish.

Kalevala (1999). Elias Loennrot. Kalevala. Epicheskiy poema na osnove drevnykh karelskikh i finskikh narodnykh pesen [Kalevala: Epic Poem based on Old Karelian and Finnish Folk Songs]. Transl. by E. Kiuru, A. Mishin. Petrozavodsk. Bilingual. In Russian and in Finnish.

Kiuru E. (1993) Tema dobyvaniya zheny v epicheskikh runakh (k semantike poeticheskikh obrazov) [Theme of Obtaining of the Wife in Epic Rune-Poems (Semantics of Poetic Images)]. Petrozavodsk. In Russian.

Kuusi M. (1957) Kalevalaisen muinaisepiikan viisi tyyliautta [Five Style Periods of the Old Kalevala Epics]. *Kalevalaseuran Vuosikirja* [Yearbook of the Kalevala Society]. Porvoo; Helsinki, 1957. Vol. 37. Pp. 107–129. In Finnish.

Kuusi M. (2009) Pyat' stilevykh periodov v razvitiy drevney kaleval'skoy poezii [Five Style Periods of the Old Kalevala Epics]. Transl. from Finnish [Kuusi 1957] and preface E.G. Rakhimova. *Tolmach: Sbornik perevodov nauchnykh i literaturnykh tekstov* [Metaphrast: Collected Translations of Scholarly and Literature Texts]. Issue 1. Ed. by T.V. Goven'ko. Pp. 47–83. Moscow. In Russian.

Rakhimova E. (1997) Karelo-finskaya runa v tipologicheskoy sopostavlenii s bylinami [Karelian-Finnish Rune-Poem in Typology Comparison with the Bylina-epics]. *Filologicheskie nauki* [Philological Studies]. No. 4 (1997). Pp. 85–95.

Rakhimova E. (2001) Ot «kaleval'skikh» izustnykh run k neoromanticheskoy mifopoetike Eyno Leyno [From Kalevala Oral Rune-Poems towards Neo-romantic Mythopoetics by Eyno Leyno]. Moscow. In Russian.

SKVR I (1). Kalevala-aineiset kertovaiset runot: Toisinnot 1–700 [Rune-Poems of Archangel Government. Narrative Rune-Poems of Kalevala plots. Variants 1–700]. Helsinki, 1908. *Suomen Kansan Vanhat Runot* [Old Rune-poems of the Finnish People] (1908–1948+1997). I. *Vienan lae-aenin runot*. SKST 121: 1–4 [Rune-poems of Viena Karelia]. Proceedings of the Finnish Literature Society, 121: 1–4. Ed. by A.R. Niemi. Vol. I (1). In Finnish and Karelian.

SKVR I.2. Kalevala-aineisia kertovaisia runoja: Toisinnot 701–1027. Muita kertovaisia runoja: Toisinnot 1028–1272 [Rune-Poems on Kalevala plots. Variants 701–1027. Other Narrative Rune-Poems. Variants 1028–1272]. *Ibid.* Vol. I (2). In Finnish and Karelian.

SKVR I.4.2. Loitsuja: Toisinnot 822–2132. Lisiae. Elaemaekerrallisia tietoja runojen laulajista hakemistoinen. [Incantations. Variants 822–2132. Additions. Biography Data about Epic Singers, with Indexes.]. *Ibid.* Vol. I (4.2). In Finnish and Karelian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: elina.rahimowa@yandex.ru

Tel.: + 7 (495) 691-23-01

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

PhD (Philology), senior researcher, Folklore department, Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences
